

СЫНОВЬЯ ОБ ОТЦЕ

В редакционном пресс-центре общалась с сыновьями гомельского подпольщика Романа Илларионовича Тимофеенко. Интересно было наблюдать, как старший Ростислав, работавший старшим преподавателем кафедры философии и истории политологии в БелГУТе, подшучивает над младшим Александром, приехавшим из Молодечно, этот в свою очередь гордится энциклопедическими знаниями старшего и всем сердцем болеет за его здоровье. Ростислав в послевоенном 1946-м стал студентом БГУ имени Ленина, был первым получателем стипендии имени академика Владимира Пичеты, а в 1954-м — самым молодым преподавателем в Гомельском пединституте им. Чкалова, работал там 17 лет. Слушать 89-летнего человека, живо интересующегося всем происходящим в мире, дающего свои оценки людям и событиям, безумно интересно. Попросила вспомнить об отце.

Ростислав и Александр Тимофеенко, сыновья гомельского подпольщика Романа Тимофеенко

НАЧАЛО ВОЙНЫ

— Отец был коммунистом ленинского призыва, — поделился Ростислав Романович. — Детство непростое у него, круглого сироты. Рассказывал, что пас гусей у дальних родственников, потом его “повысили” — пас свиней.

Все, что у отца было, дала советская власть: образование, воспитание, авторитет. Перед Великой Отечественной войной он преподавал в железнодорожном техникуме, был лектором политотдела Белорусской железной дороги. Как-то он взял меня на паровозовагоноремонтный завод, где выступал. Поразило, как внимательно его слушали.

В то время наша семья была единственной в Гомеле, у которой имелось три велосипеда. Это был предмет роскоши! Родители никакие не коммерсанты, обычные учителя-трудяги...

22 июня 1941 года в библиотеке имени Герцена (она размещалась на улице Крестьянской, почти на стыке с Кирова) проходил литературный диспут по книге Ванды Василевской “Комната на чердаке”. Я — староста литкружка. Где-то в полдень закончили, и я вернулся домой на улицу Плеханова (мы снимали полдома у частного). Смотрю, а у нас полно железнодорожников. Интересуюсь у отца: “Что случилось?” А он в ответ: “Война, сынок”. Когда услышал, что с Германией, сказал: “Ну так через неделю будем в Берлине”. Помню очень серьезный взгляд отца и то, как он с горечью выдохнул: “Нет, сынок. Это будет очень тяжелая война”.

Отец был уверен, что город будут сильно бомбить, потому хотел отправить нас к бабушке, которая жила в Чаусском районе Могилевщины. Поехали туда мама, я и Саша... К 12 ночи добрались в Пропойск, нынешний Славгород. Только ступили на пристань, мама встретила одноклассницу, которая сообщила: немцы в 80 километрах. На том же пароходе мы вернулись назад. Потом отправились в эвакуацию в Саратовскую область, в деревню 2-я Березовка. По дороге Сашка подхватил дизентерию, был при смерти. Спасли его, чудом успев в больницу в Саратове.

ПОДПОЛЬЕ

На фронте проще, знаешь, где тыл, где передовая. Когда провалилась явка на улице Комиссарова, Барыкин (секретарь подпольного горкома партии, начальник штаба Гомельского партизанского соединения — прим, автора) говорил отцу, чтобы он уходил в лес. Но была еще одна дальняя явочная квартира — на улице Московской, об этом знал только Емельян Игнатьевич, он и рассказывал мне об этом.

В ноябре 1941-го горком партии принял решение создать оперативный центр, чтобы через него координировать работу подпольных групп. Руководителем назначили Тимофея Бородин, а в состав вошли отец и Шилов.

“В мае 1942 года И. Б. Шилов проводил собрание подпольной группы в доме № 14 по улице Комиссарова, на котором присутствовал руководитель подпольного центра Т. С. Бородин. Подпольщики были схвачены фашистами... На рассвете 20 июня фашистские палачи казнили Т. С. Бородин, И. Б. Шилова и их друзей. Вслед за ними в этом же 1942 году были выслежены и расстреляны В. С. Кислова, Н. Я. Карпенко, Н. С. Железняков.

Мужественно погиб и Р. И. Тимофеенко. Во время массовых арестов его не было в городе, он находился на связи с подпольным горкомом партии.

Возвращаясь из лесу, Р. И. Тимофеенко направился на конспиративную квартиру. Там была устроена засада. Гранатой он ранил двух гитлеровцев, но и сам погиб в неравной схватке”.

(Из очерка Михаила Скринникова “Праўда аб гомельскім падполлі: жнівень 1941 — лістапад 1943 г.”, изданного в 1995 году).

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

8 мая 1965 года Тимофею Бородину посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Хотя и наш отец, убеждены, заслуживает не менее высокого звания.

Мама наша из многодетной семьи, она хороший химик. Была в предвоенное время директором гомельской СШ № 3, кавалер ордена Ленина. Два ее брата, Иван и Константин, погибли на войне. Иван заочно окончил физфак пединститута перед войной, приезжал на сессии. Помнится, прислал с фронта письмо, часть которого была вымарана черным, но я прочел “Сталинград”... Мама отправила ему посылку — сухари, сыр и вареники. Нам ее через какое-то время вернули. А дядя Костя, когда мне было лет девять, подарил трубу и барабан. О его судьбе ничего неизвестно.

31 января 1944 года датировано письмо секретаря подпольного горкома партии Емельяна Барыкина жене Тимофеенко:

“Уважаемая Елена Сергеевна! С глубоким прискорбием должен вам сообщить, что ваш муж Тимофеенко Роман Илларионович погиб при выполнении боевого задания в Гомеле от рук немецко-фашистских палачей.

Парторганизация Гомеля скорбит о потере одного из лучших своих членов и выносит вам свое соболезнование.

Высылаю вам справку о гибели вашего мужа.

С уважением к вам, секретарь Гомельского горкома КП Б Барыкин”.

Бывший журналист “Гомельской праўды” Григорий Розинский подготовил очерк “Раман Цімафеенка — мужны падпольшчык”. В нем рассказывалось, что из застенков Бородин смог через свою мать передать записку Тимофеенко и поторопить его увести в лес оставшихся патриотов.

Автор очерка живет сейчас в Израиле. Старший сын подпольщика Романа Тимофеенко написал письмо

Розинскому, чтобы выяснить ряд вопросов. Журналист ведь лично встречался с гомельчанами, которые так или иначе знали Романа Илларионовича. Кстати, была еще и публикация Григория Розинского “Молодая гвардия Гомеля” в союзном журнале “Огонек”. В ней, в частности, говорилось: “Как легенду, из уст в уста, передают старожилы Гомеля рассказ о смелых подвигах тайной молодежной организации, которую возглавил Роман Илларионович Тимофеевко, представитель подпольного Гомельского горкома партии”. В то время еще была жива Мария Александровна, мать Тимофея Бородин, она вместе с дочерью Тоней делилась информацией с Розинским. Мать рассказывала, как собирала 18 подписей — поручительств за сына...

КАК ПОГИБ РОМАН ТИМОФЕЕНКО

Придя на конспиративную квартиру по улице Песина, Тимофеевко увидел, что в зале за столом дремлет немец-жандарм. А буквально за его спиной кто-то бежит по ступенькам к порогу дома. Подпольщик быстро выстрелил в дремавшего немца, но раздались “хальт”, “хенде хох”, затем автоматная очередь по окнам. Подпольщик успел сразить вбежавшего офицера, выскочить на порог дома и бросить гранату в сад, откуда мчалось несколько фрицев. Но последовала автоматная очередь в спину: еще один гитлеровец стрелял из-за ворот. Роман Илларионович выхватил еще гранату, но тут же осел, зажав ее в руке...

Из статьи Розинского следует, что предатель, выдавший подпольщиков, Анатолий Григорьев был схвачен еще в войну на территории Брестской области, осужден и расстрелян.

Старшего сына Тимофеевко интересовало все, связанное с именем отца. В августе 1944-го, возвратясь в Гомель, он отправился на улицу

Московскую по адресу, указанному Барыкиным.

— Там жила пожилая женщина, — рассказывает Ростислав Романович. — По ее словам, к ней во двор приходили разные люди, одни клали под камень-валун донесения, другие забирали. Мы нашли плетеную емкость, наполненную патронами от нагана. Было и письмо, написанное нам, еще прочитывалось “дорогие мои”. Писал его отец в мае 1942-го...

Кстати, когда семья подпольщика Тимофеевко приехала в Гомель из эвакуации, их дом был занят семьей бывшего полицая. “Нашу маму назначили заведующей горно, отдел находился на улице Пушкина, там и горком партии был. Мама ходила по инстанциям, просила выделить комнату, но к Барыкину не обращалась. Тогда действовал закон: семьям погибших партработников, подпольщиков по возможности возвращать прежнее жилье. И когда Емельян Игнатьевич узнал ситуацию, позвонил военному прокурору: “Если вы в 24 часа не вселите семью подпольщика Тимофеевко, положите партбилет!”

Директор партшколы подсказал написать заявление на участок под строительство. Так мама получила ссуду в десять тысяч рублей. Я оканчивал 10-ю школу, и мы поехали за Новобелицу заготавливать лес для дома. Каждая дощечка в нем прошла через мамыны руки! Мы строились на Буденного, 44, впоследствии это улица Барыкина, 60. Возводил дом старик маленького роста, которого все звали Контик. Мастер на все руки! И фундамент, и сруб его работы. Единственное, что не мог делать, — печки. В дом мы въехали в 1949-м, я уже был студентом третьего курса...

В 1975 году мы получили квартиру на улице 50 лет БССР. А я и теперь, проезжая по современной улице Барыкина с высотками, сердцем ощуцаю место, где стоял наш дом.

МЛАДШИЙ СЫН

— Нам повезло. Отец и мать были уникальными людьми, — отметил Александр Романович. — Помнится из рассказа брата такой факт: отец в сложном 1937-м фактически спас своего товарища Николая Кунцевича, поручился за него.

Мама наша из семьи сельского священника, но была атеистом, убежденным коммунистом. Хотя наш дом находился напротив 3-й школы, оканчивал я 19-ю, получил золотую медаль. Родители задали нам высокую жизненную планку, которую стараемся держать.

Младший сын Тимофеенко окончил Ленинградский институт точной механики и оптики, трудился на оборонном предприятии в Молодечно, а после развала Союза возглавил там ООО “ПП Спектр-сервис”. Туда же в 1982-м забрал и мать.

Александр с детства увлечен спортом, мастер спорта международного класса в марафонском беге. В прошлом году выступал в первенстве Дании среди чемпионов, был четвертым. Участвовал и в прошлогоднем виртуальном первенстве СНГ по бегу и стал чемпионом. Ежедневно делает пробежки по 12 километров!

— Мы с братом совершенно разные люди, — шутит младший, рассказывая, что у старшего два сына, а у него столько же дочерей. Однако словно для равновесия у старшего брата — внуки, а у него внуки-мальчишки.

— Я мечтаю об одном: чтобы брат отметил в ноябре 85-летие освобождения нашего родного Гомеля, а в декабре свой 90-й день рождения и жил еще долго-долго. А я буду тянуться за ним! — подчеркнул Александр.

Крюченко, Т. Сыновья об отце: [подпольщик Роман Тимофеенко] / Тамара Крюченко // Гомельская праўда. – 2018. – 24 красавіка (№ 46). – С. 6.

Тамара КРЮЧЕНКО